

БОРИС
СОКОЛОВ

Без цензуры. Мемуары маршала Малиновского

Записки первого года войны

Родион Малиновский

М.: Вече, 2025. – 496 с., илл.

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

Маршал Советского Союза Родион Малиновский традиционно остается в тени других, более известных «маршалов Победы» – Георгия Жукова, Александра Василевского, Константина Рокоссовского. Между тем это был человек с удивительной биографией. Единственный среди них, он мог более или менее свободно говорить по-французски, да и испанским языком владел. Всю жизнь ему приходилось скрывать свое довольно неподходящее для советских реалий социальное происхождение (он был внебрачным сыном одесского полицмейстера генерал-майора Бунина) и кратковременную службу в армии Колчака¹. А еще Малиновский, будучи министром обороны, сыграл одну из главных ролей в свержении Хрущева в 1964 году, поскольку без его поддержки шансы на успех заговора, возглавлявшегося Брежневым, были бы близки к нулю. А ведь в 1942-м именно Хрущев отговорил Сталина от ареста и расстрела Малиновского, после того как в августе адъютант Малиновского, капитан Александр Сиренко, самовольно ушел через линию фронта в немецкий тыл создавать партизанский отряд. А в декабре того же года застрелился член Военного совета 2-й гвардейской армии генерал-майор Илларион Ларин – большой друг Малиновского (последний тогда командовал этой армией)². По признанию Малиновского, они с Лариным «вообще думали одинаково» (с. 215)³.

Отличие от подавляющего большинства советских маршалов, Малиновский не успел написать и опубликовать своих мемуаров о Великой Отечественной войне. По крайней мере так считалось до февраля 2019 года, когда российский воен-

1 См.: Соколов Б.В. *Маршал Малиновский*. М.: Новый хронограф, 2016. С. 8–87, 162–164.

2 Там же. С. 378–386.

3 Почему-то в рецензируемой книге в биографической справке о Ларине говорится, что он «покончил с собой, предположительно, в январе 1943 г.» (с. 477). Между тем, согласно донесению наркома внутренних дел Лаврентия Берии Сталину от 27 декабря 1942 года, «в ночь на 27 декабря с.г. у себя на квартире застрелился член Военного Совета 2-й Гвардейской армии генерал-майор Ларин. Ларин оставил записку следующего содержания: “Я не причем. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин”. Родион – командующий 2-й гвардейской армией т. Малиновский»³.

ный историк Александр Ясаков нашел военные мемуары Малиновского в Центральном архиве Министерства обороны. Воспоминания маршала охватывают период с марта 1941 года по февраль 1943-го⁴. Публикуемые «Записки» Малиновского начинаются только с марта 1941-го, когда он был назначен командиром 48-го стрелкового корпуса в Молдавии, и длятся вплоть до января 1942-го, когда Южный фронт под командованием Малиновского начал Барвенковско-Лозовскую наступательную операцию. До назначения командующим Южным фронтом Малиновский некоторое время командовал 6-й армией. Маршал писал мемуары, судя по всему, в середине 1950-х – вероятно, еще до назначения министром обороны осенью 1957-го. Как сообщает в предисловии составитель и редактор книги, дочь маршала Наталья Малиновская, «связанное повествование обрывается январем 1942 года, буквально на полуслове... О последующих событиях говорят лишь отдельные краткие и не связанные между собой заметки» (с. 22–23).

Малиновский не был чужд художественной прозе. После его смерти был опубликован автобиографический роман, где описаны детство, юность, участие в Первой мировой войне и прибытие в Сибирь в 1919 году автобиографического героя Ивана Гринько. В рукописи роман не имел названия, а публиковался несколько раз как «Солдаты России» и «Первая память». В архиве маршала также сохранилась неопубликованная пьеса «Подвиги Жизни» (1920), где действие происходит во Франции во время восстания части Русского экспедиционного корпуса в лагере Ле Куртин в июне–сентябре 1917 года и в Сибири в 1919-м, а автобиографического героя здесь зовут Петр Степин. В «Подвигах Жизни» служба у Колчака и производство в прапорщики трансформировались в участие в красном партизанском движении.

Опыт создания художественной прозы отразился и в мемуарах, в которых есть несколько ярких сцен, да и сам язык повествования ясный, без лишних слов и с минимумом бюрократических оборотов. Впрочем, в опубликованной части авторский текст составляет меньше половины объема. Остальное – документы тех объединений, которыми командовал Малиновский в первые семь месяцев войны: 48-го стрелкового корпуса, 6-й армии, группы из 6-й и 12-й армий и Южного фронта. С одной стороны, это делает воспоминания в высокой степени достоверными, когда практически каждое слово подкреплено документом, а сами эти документы, впервые публикуемые, являются ценным историческим источником. С другой стороны, такое соотношение документов и авторского текста

⁴ Дивеева Ю. Нашли дневник маршала Малиновского с анализом причин поражений в начале ВОВ / Комсомольская правда. 2019. 22 февраля (www.kp.ru/online/news/3394898).

БОРИС СОКОЛОВ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

не характерно для мемуаров советских маршалов, да и для военных мемуаров вообще, где авторский текст все же преобладает над документами, многие из которых часто даются в изложении. Можно предположить, что, доживи Малиновский до публикации, он сильно расширил бы авторский текст, а вот ряд документов цитировал бы не столь пространно. Но Малиновский умер, находясь на посту министра обороны, и всерьез заняться мемуарами не успел.

Маршалы Жуков и Василевский в своих мемуарах большое внимание уделили Сталину, с которым им приходилось общаться во время войны чуть ли не ежедневно. Маршалы Рокоссовский и Конев со Сталиным общались реже, но он тоже выступает заметной фигурой в их мемуарах. А вот Малиновский за те неполные семь месяцев, которые охватывает эта публикация, со Сталиным не встречался и потому в его воспоминаниях тот практически отсутствует. Малиновский только передает свое впечатление от доклада верховного главнокомандующего на заседании 6 ноября 1941 года и его речи на параде 7 ноября, которые командующий и штаб 6-й армии слушали по радио. Их характеристики вполне канонические, что наводит на мысль, что мемуары писались еще до разоблачения сталинских преступлений на XX съезде КПСС в марте 1956 года. Малиновский восхищается Сталиным:

«Вojдя слушали с исключительным вниманием. В докладе был дан изумительный анализ хода войны, подведен итог четырехмесячной смертельной схватке с врагом, который остановлен и, как и мы, еле переводит дух» (с. 186).

«Речь [...] проникла до глубины души и взволновала сердца бойцов. Она укрепила их веру в славную партию коммунистов – вдохновителя моральной силы нашей армии и народа, великого организатора производства танков, самолетов, орудий и всего нужного для войны и победы нашей армии» (с. 187).

Стоит отметить, что это единственный панегирик Сталину и партии в тексте. Интересно, что другие советские маршалы, писавшие свои мемуары уже после XX съезда партии, в основном в брежневскую эпоху, такого уже не могли себе позволить, хотя порой и признавали заслуги Сталина в Победе. О политработниках Малиновский пишет только в связи с деятельностью своего друга Ларина. Нет в мемуарах маршала и «окопной правды». В окопах ему бывать приходилось, но в боях он не участвовал. Главное в мемуарах Малиновского – это рассказ о командирах и штабах уровня армия – корпус – дивизия и, реже, фронт или полк, то есть о тех, с кем ему приходилось непосредственно иметь дело. И здесь маршал старается писать правду, порой нелицеприятную.

Предисловие к мемуарам написал генерал-полковник Борис Уткин (1923–2023), которому в войну довелось сражаться под командованием Малиновского. В предисловии Уткин описал боевой путь полководца, и там можно обнаружить удивительный факт. Оказывается, весной 1942 года, когда главком Юго-Западного направления маршал Семен Тимошенко начал готовить операцию с целью освобождения Харькова, Малиновский внес прямо противоположное предложение: не проводить Харьковскую наступательную операцию, а объединенными силами Юго-Западного и Южного фронтов нанести удар на юг, выйти на берег Азовского моря, окружить и отсечь основную часть немецкой группы армий «Юг», продвинувшуюся далеко на восток. Как ни странно, это предложение Малиновского даже не рассматривалось (с. 11). К сожалению, Уткин не привел ссылку на источник, где было изложено это предложение. Не исключено, что речь идет о еще не рассекреченном документе.

Ни авторский текст, ни обильно цитируемые Малиновским документы не подвергались цензуре, да и, как кажется, тот первичный вариант, который дошел до нас, вообще не учитывал требования цензуры. Не исключено, что Малиновский хотел со временем издать мемуары не для широкой публики, а с грифом «для служебного пользования» или «секретно» – для командного состава Советской армии. В этом принципиальное отличие воспоминаний Малиновского от других советских маршальских мемуаров – и их особая ценность в качестве исторического источника. В «Записках первого года войны» много критики советских генералов и состояния Красной армии. Наталья Малиновская, дочь маршала, в предисловии приводит цитату, вероятно, из разрозненных заметок о войне, касающуюся Барвенковской операции:

«Замысел этой операции, конечно, нельзя даже сравнивать с замыслом проведения, к примеру, Ясско-Кишиневской наступательной операции. У этих операций все разное – разные этапы войны, разные средства, совсем другой опыт и умение. И это касается не только Южного фронта. Все пережили этот этап, учились воевать, набирались опыта. А командующие только так и могли обрести военную мудрость, без которой успех недостижим. На всех фронтах командование проходило этот этап, училось воевать: через поражения, страдания и кровь получало необходимый опыт. Иного пути в 41–42-м у нас просто не было» (с. 46).

Замечу, что в самих мемуарах сходное место звучит иначе. Говоря о замысле Барвенковско-Лозовской операции, проведенной Южным фронтом в январе–марте 1942 года, Малиновский пишет:

«Конечно, в [замысле операции] обнаруживается много слабостей, есть расплывчатость, слабый учет реальной обстановки. Но не стоит нас в этом винить. Всем нам предстояло справиться с ошибками молодости, преодолеть неизбежное отсутствие боевого опыта во фронтовом масштабе».

И далее следует текст, почти совпадающий с цитатой в предисловии (отсутствующее там предложение выделено курсивом):

«Замысел этой операции, конечно, нельзя даже сравнивать с замыслом проведения, к примеру, Ясско-Кишиневской наступательной операции. Барвенковско-Лозовская операция была разработана и проведена в основном одним командующим фронтом; у этих операций все разное – разные этапы войны, разные средства, совсем другой опыт и умение. И это касается не только Южного фронта. Все пережили этот этап, учились воевать, набирались опыта. А командующие только так и могли обрести военную мудрость, без которой успех недостижим» (с. 234).

По сравнению с предисловием появилось предложение о планировании Барвенковско-Лозовской операции командующим фронтом (то есть самим Малиновским), зато опущено утверждение о том, как учились воевать «через поражения, страдания и кровь». Читателям остается гадать: то ли в тексте мемуаров была сделана необозначенная купюра, то ли дочь маршала добавила в эту цитату слова из заметок Малиновского, оставшихся за пределами хронологически связанного повествования.

Приобретение опыта «через кровь» – лейтмотив воспоминаний Малиновского. Он стремится показать, как в первые полгода войны Красная армия училась воевать, большой кровью приобретая боевой опыт и исправляя довоенные недочеты в подготовке. Малиновский честно признается:

«Война меня ошеломила. Мы были к ней не готовы. Я хорошо это знал по состоянию войск Одесского военного округа. Большие организационные мероприятия, необходимые для усиления военной мощи, еще только начинались, требовалось как минимум еще два года, чтобы провести их в полном объеме» (с. 59).

Получается, согласно Малиновскому, нужного уровня готовности Красная армия могла бы достичь только к лету 1943 года, как раз тогда, когда в реальности разгорелась Курская битва – одно из крупнейших сражений Второй мировой войны, где соотношение безвозвратных потерь людей, танков и самолетов было крайне неблагоприятным для советской стороны. Но тут надо учесть, что к тому времени в Красной армии уже практически не осталось кадровых солдат и офицеров. А вот если бы война разразилась летом 1943-го, то вермахту противостояли бы кадровые советские войска, завершившие военные ре-

формы, оснащенные новыми вооружениями и гораздо более боеспособные, чем двумя годами ранее. Хотя, конечно, и вермахт бы за два года усилился. Малиновский, пожалуй, единственный из советских маршалов, кто относит срок реальной готовности Красной армии к войне к 1943-му, а не к 1942 году. Мемуарист подчеркивает, что с самого начала войны 22 июня он решил:

«Я пришел к твердому выводу: действовать надо самостоятельно, не надеясь ни на соседей, ни на начальство, иначе противник меня разобьет. Поставив во главу угла выполнение корпусом боевой задачи, я решил и в дальнейшем действовать, ни на кого не надеясь» (с. 60).

Замечу, что начальником Малиновского в тот момент был командующий 9-й армией генерал-полковник Яков Черевиченко, который в октябре–декабре 1941 года командовал Южным фронтом. Карьеру в годы Великой Отечественной войны Черевиченко не сделал, так и оставшись генерал-полковником и закончив войну с явным понижением – командиром стрелкового корпуса. Сталин явно скептически относился к его полководческим способностям, и Малиновский был того же мнения, указывая, что первый боевой приказ начальника он получил только 30 июня (с. 65), и характеризуя его довольно иронически: «В целом приказ, может, и неплохой, хотя занят в основном расстановкой полков, но, как вскоре станет ясно, он не соответствовал обстановке на участке 48-го стрелкового корпуса» (с. 69). Другой приказ штаба армии, от 4 июля, Малиновский считает столь же безрезультатным, как «удар шпаги в воздух» (с. 76). Дальнейшие приказы из штаба 9-й армии восторга у Малиновского не вызывали. Он свидетельствует:

«Около двух часов ночи 19 июля я получил приказ из штаба армии: “Отводить части в исходное положение, имея в виду отход за р. Днестр к утру 22.7”.

Спустя короткое время пришел другой приказ; “Отставить и забыть об этом разговоре. Готовиться к операции по восстановлению положения по госгранице от Лопатника до Скуляя”.

Надо сказать, не первый раз я получал один за другим приказы диаметрально противоположного содержания: то наступай, то отступай, то опять-таки наступай. Только-только доведешь приказ до дивизий и полков, как получаешь другой, с точностью до наоборот. Как-то раз даже грубо огрызнулся я в разговоре с начальником штаба армии: “Я не взводом командую, не могу подать команду голосом. Потрудитесь учитывать это и впредь не менять приказы ежечасно!” А представьте, какое недовольство это вызывало у народа, начиная от солдат и кончая командирами: не то наступай, не то отступай... да когда ж наши генералы хоть как-то научатся воевать?» (с. 83–84).

Малиновский пишет о крайне низком духе и нежелании сражаться призывников из Молдавии – свидетельства, в советских подцензурных мемуарах практически не встречающиеся:

«Вновь мобилизованных молдаван, большей частью не владевших русским языком, собирали, одевали, вооружали и отправляли на границу в уже воевавшие части 176-й стрелковой дивизии. Они страшно боялись возвращения и возмездия румынских бояр и думали только о том, как бы поскорее бросить оружие, запрятать куда-нибудь обмундирование и махнуть по домам. 176-й стрелковой дивизии толку от них не было никакого, одна деморализация» (с. 61–62).

Малиновский приводит примеры трусости высокопоставленных командиров – правда, не всегда называя их по имени. Так, он пишет о командире 30-й стрелковой дивизии Сергее Галактионове, в июле 1941 года расстрелянном по приговору военного трибунала Южного фронта за «трусость» и «бездействие власти»:

«Командир дивизии, по сути дела, ею не управлял: всякий раз при виде мессершмитта он резко скрывался в роще вместе со своим штабом. Еле отловил комдива, а штабу дивизии категорически запретил всякое перемещение, несмотря ни на какие налеты, которых, кстати сказать, в тот день [23 июня] было немного» (с. 60).

«В ночь со 2-го на 3 июля во время отхода 30-я стрелковая дивизия по причине исключительной личной трусости командира дивизии генерал-майора Галактионова, сбежавшего из района Бокши на восток, оказалась полностью деморализована и разбрелась отдельными группами по горному ландшафту Фалешт, Кишкарен и южнее. Пойманный в районе Кишкарен генерал-майор Галактионов был отстранен мною от командования дивизией и отдан под суд военного трибунала, на что я получил согласие помощника командующего 9-й армией генерал-лейтенанта Репина и начальника штаба армии генерал-лейтенанта Бодина, прибывших ко мне в штаб корпуса вечером 2 июля» (с. 72).

Интересно, что в 1961 году Галактионов был полностью реабилитирован. Малиновский в то время был министром обороны, и реабилитация Галактионова не могла пройти без его участия, так как Министерству обороны предоставляло положительное заключение о реабилитируемом военачальнике для прокуратуры и суда. Выходит, что Малиновский, хотя и писал в мемуарах о трусости и бездействии командира 30-й стрелковой дивизии и сам же отдал его под суд, тем не менее считал, что расстреливать его все же не следовало. Хотя, по словам Малиновского, случай с расстрелом Галактионова «отрезвляюще подействовал на высший и старший командный состав корпуса» (с. 74). Не исключено, что в деле с реабилитацией Галактионова на Малиновского надавил Хрущев.

Не лучше обстояло дело и в других дивизиях 48-го корпуса. По словам Малиновского, 25 июня он вместе с командиром 176-й стрелковой дивизии Владимиром Марцинкевичем⁵ выехал в 591-й стрелковый полк, усиленный одним батальоном 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии:

БОРИС СОКОЛОВ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

«Этот батальон [...] и прикрываемый им 591-й стрелковый полк приводили себя в порядок после сильной деморализации, причиненной отходом из Скулян. Некоторые командиры и политработники, не перенеся позорного бегства полка после первого же удара противника, смалодушничав, покончили с собой, а многих убили в бою, в том числе и комиссара полка. Полк разбежался по пшеничному полю. В 74-й стрелковой дивизии фактически дрался один батальон».

Чтобы взбодрить 591-й полк, от которого осталось 500–600 человек, Малиновский отправил его в атаку вместе с двумя другими полками. Как признается мемуарист, «честно говоря, этот плохо организованный бой успеха не принес. Противника из Скулян не выбили. И все же для 591-го стрелкового полка этот бой ознаменовал моральный перелом» (с. 64).

Малиновский намекает также на трусость и нераспорядительность командира 2-го механизированного корпуса генерал-лейтенанта Юрия Новосельского, с которым встретился 8 июля:

«Стрельба не стихала. Генерал Новосельский, заметно нервничая, сказал, что уезжает. Я хотел было договориться с ним о взаимных действиях на случай, если противник все же прорвется ночью, но Новосельский, сказав на ходу “ничем не могу помочь”, ограничился тем, что уже в дверях добавил: “Оставляю тебе на шоссе батальон танков Т-34, они ждут горючего. Горючее я подошлю”. Вскочил в танк БТ и отбыл в сопровождении эскорта двух танков БТ» (с. 78).

Малиновский приводит слова командира упомянутого танкового батальона:

«[Тот] обрадовался и попросил насовсем оставить его батальон в 48-м стрелковом корпусе, “а то у нас порядка никакого нет, все только маневрируем да отступаем... и ни разу еще мой батальон не подрался!”» (с. 79).

С иронией маршал описывает и командующего 12-й армией генерал-майора Константина Коротеева в начале декабря:

«Выезд генерала Коротеева нас поразил: впереди броневик, затем машина пограничников из полка охраны тыла армии, за ней сам Коротеев, а за ним еще одна машина с пограничниками. Этот кор-

5 Марцинкевич погиб 30 июля 1944 году, будучи генерал-майором и командиром 134-й стрелковой дивизии, хотя в биографической справке (с. 479) ошибочно утверждается, что это произошло 6 апреля 1945 года.

теж нам сильно не понравился. Я очень уважал ныне покойного генерала Коротеева (он умер от болезни крови в 1953 году) и считал его неплохим командиром, но вынужден был указать ему на этот барский способ управления армией» (с. 192).

Мемуары Малиновского содержат, конечно же, и трагические описания войны. Вот картина окруженного Николаева 14 августа, оставляемого советскими войсками:

«Город, склады, запасы и заводы горят после сильных и частых бомбардировок немецкой авиацией. При этом весь город – улицы, дворы, парки и сады – забит автотранспортом, обозами и тылами; в городе видимо-невидимо беженцев и эвакуирующихся организаций. Тяжелое, поистине зловещее зрелище. Уничтожают заводы и запасы. Артиллерия противника со всех сторон обстреливает город, над которым висит зарево пожаров. На окаменелых лицах людей уныние, отрешенность и полное равнодушие к опасности» (с. 111).

Еще один эпизод: поход разведчиков 393-й стрелковой дивизии в село Закотное Лиманского района Донецкой области за «языком»:

«Подкрavшись к одному из домов села, разведчики услышали приглушенные звуки музыки: в доме танцевали под гармошку. Окна дома были тщательно замаскированы, но охраны не было. Ночи стояли темные, но в щелочки между занавесками разведчики увидели, что с немцами танцуют местные девчата. Такая злость и обида взяла разведчиков! Они и раньше слышали, что закотницкие девушки погуливают с немцами, кто этому верил, кто нет, но слухи ходили. И вот они видят это веселье своими глазами. Разведчики оцепили дом, плотно подперли двери и подожгли. Попытки спастись через окна не удалась никому – дело довершили автоматы и гранаты. Все танцоры сгорели, а хмурые разведчики вернулись без “языка”» (с. 188).

В советское время такой сюжет был абсолютно невозможен – даже в маршальских мемуарах. Сцена, кстати сказать, напоминает эпизод пушкинского «Дубровского».

А вот Малиновский вступает в Нижнеднепровске (так называлась левобережная часть Днепропетровска) в командование Резервной (будущей 6-й) армией 25 августа 1941 года:

«Вблизи располагалась школа, куда я и направился. К зданию тянулись провода. Войдя, я увидел столь поразившую меня картину, что не могу ее не описать. Генерал Тюленев [командующий Южным фронтом], весь трясущийся и раскрасневшийся, кричал: “Застрелю, сейчас же застрелю тебя, мерзавец!” – и пытался выхватить из деревянной кобуры маузер. Его за обе руки держали член Военного Совета фронта [Семен] Задюченко, он вырывался, шла возня и борьба. Перед ними навтыяжку стоял тоже трясущийся,

без кровинки в лице генерал-лейтенант Чибисов, командующий Резервной армией⁶. Внезапный сильный разрыв тяжелого снаряда, звон сыпавшихся с окон стекол, а затем другой и третий разрывы оборвали представшую моим глазам “картину расстрела”.

Тюленев, увидев меня – я доложил ему о прибытии, – тут же преобразился в человека, поздоровался и сказал: “Кстати прибыл! Немедленно вступай в командование!”

– Слушаюсь! Разберусь, что тут делается, и вступлю в командование» (с. 132).

В боях за Днепропетровск Малиновскому пришлось принимать суровые меры против красноармейцев и командиров

«Мы с И.И. Лариным создали что-то вроде заградительных отрядов и поставили их на всех дорогах южнее Спасского, Новомосковска, главным образом на перекрестках, с задачей задерживать и собирать в группы всех,двигающихся из Нижнеднепровска. Неподчинившихся и беглецов расстреливать на месте. Эту работу возглавил Ларин, а я остался, чтобы вместе с Батюней [начальником штаба 6-й армии] организовать управление» (с. 136).

Малиновский отмечает, что, понимая, что сдачу Днепропетровска Сталин может и не простить, некоторые военачальники в конце августа предпочли получить ранение на передовой, чтобы избежать возможного расстрела. Получившего ранение в бою трудно было обвинить в трусости, в случае же гибели на передовой это все же была более почетная смерть, чем расстрел, и можно было надеяться, что семью не репрессируют:

«Я получил сообщение от командира 275-й стрелковой дивизии генерал-майора [Михаила] Дратвина о том, что генерал Тюленев [только что сдавший должность командующего Южным фронтом] в спешенных эскадронах на передней линии попал под сильный минометный огонь, довольно серьезно ранен и направлен из Каменки в Подгородное. Тюленев просит меня подъехать в Подгородное – хочет меня видеть. Когда я подъехал к школе, там уже стояла машина генерала Тюленева. Я заглянул в машину и увидел его радостное лицо.

– Вот, смотри – ранен, – сказал он, указывая на вытянутую ногу в бинтах, пропитанных кровью.

Я распорядился побыстрее отправить его в армейский госпиталь в Новомосковск для оказания квалифицированной помощи.

Прощаясь со мной, генерал Тюленев попросил сообщить о его ранении в Ставку.

На обратной дороге в артучилище я встретил полковника Кашкина, бывшего начальника штаба Резервной армии [погиб в бою

6 Никандра Чибисова, ставшего впоследствии прототипом главного героя романа Георгия Владимова «Генерал и его армия», Тюленев собирался расстрелять за сдачу Днепропетровска, но не реализовал свое намерение. Тем не менее, как доложили Малиновскому 27 августа, «генерал Чибисов арестован и увезен в тыл» (с. 137).

21 февраля 1943 года в Краснодарском крае]. Его вывезли с поля боя с перебитой рукой. Он тоже посчитал за лучшее для себя пойти в атаку с курсантами Полтавского училища» (с. 140).

Замечу, что сам Малиновский, когда оказался летом 1942 года в столь же сложном положении после падения Ростова и ухода своего адъютанта Сиренко за линию фронта, не пытался подобным образом уйти от ответственности.

В целом по количеству критических замечаний в адрес командования воспоминания Малиновского значительно превосходят мемуары других советских маршалов. И, в отличие от большинства из них, Малиновский не стеснялся писать о том, что ему приходилось принимать самые крутые, драконовские меры против своих бойцов и командиров, расстреливать трусов, паникеров и не подчинившихся приказу.

Мемуары Малиновского содержат важные для исследователя данные о потерях его 6-й армии в боях за Нижнеднепровский плацдарм. Суммарные потери в боях с 25 августа по 15 сентября составили 28 611 человек, в том числе 3249 убитыми, 19 100 ранеными и 6262 пропавшими без вести (с. 146, 151). То, что Малиновский привел в мемуарах данные о потерях, – явление для советских маршальских мемуаров крайне редкое. Обычно такие сведения не пропускала цензура. Вероятно, Малиновский приводит цифры из сводок, которые его штаб регулярно направлял штабу Южного фронта. По сравнению с донесениями дивизий и корпусов они нередко оказываются существенно заниженными, особенно в отношении безвозвратных потерь.

Немецкий 3-й моторизованный корпус генерала от кавалерии Эберхарда фон Макензена с 26 августа до 29 сентября 1941 года на Нижнеднепровском плацдарме захватил 34 141 пленного⁷, тогда как Малиновский показывает потери пропавшими без вести в период с 15-го по 30 сентября в 5838 человек наряду с 1099 убитыми, 4145 ранеными и 3253 выбывшими из строя по небоевым причинам (с. 162). Таким образом, по его данным, всего 6-я армия с 25 августа по 30 сентября потеряла пропавшими без вести 12 100 человек, что в 2,8 раза меньше числа красноармейцев, захваченных за тот же период германским 3-м моторизованным корпусом.

Малиновский надеялся, что противостоявшая ему 1-я танковая армия генерала Клейста «понесла, по-видимому, не меньшие потери, чем 6-я армия» (с. 152). На самом деле 1-я танковая армия с 21 августа по 20 сентября 1941 года потеряла 1751 убитыми, 8762 ранеными и 163 пропавшими без вести, – всего 10 676 человек. При этом начиная с 12 сентября основные поте-

⁷ Макензен Э. фон. *От Буга до Кавказа. (III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов)*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 260, 253.

ри германская эта армия несла не на Нижнеднепровском, а на Кременчугском плацдарме, где действовали ее основные силы и где ей противостояла не 6-я, а 38-я армия. Бои же в районе Нижнеднепровского плацдарма после того, как 10 сентября советская тяжелая артиллерия разрушила немецкий наплавной мост, постепенно сошли на нет. Малиновский пишет:

«Утром 10 сентября командир дивизиона позвонил мне в Подгородное и доложил: мост разбит! [...] С разрушением моста бои в районе Нижнеднепровска затихли. [...] Противник стал по ночам оттягивать силы с этого плацдарма» (с. 149, 150).

Потери армии Клейста за 11–20 сентября можно полностью отнести к боям на Кременчугском плацдарме (432 убитыми и 1576 ранеными – всего 2008 человек). Тогда ее потери в действиях против 6-й армии Малиновского можно оценить в 8668 человек, в том числе 1319 убитыми, 7186 ранеными и 163 пропавшими без вести⁸. Это дает соотношение общих потерь 3,3:1, а по безвозвратным потерям – 6,4:1 в пользу немцев, так что о равенстве говорить не приходится.

Но есть и другой вариант подсчета немецких потерь на Нижнеднепровском плацдарме, который, как кажется, ближе к истине. Все германские войска, воевавшие на этом плацдарме, входили в корпус Макензена, который с 26 августа по 29 сентября потерял 1200 убитыми, включая 43 офицеров, 4655 ранеными, включая 160 офицеров, и 177 пропавшими без вести, включая 1 офицера, – всего 6032 человека⁹. За тот же период советская 6-я армия, по данным Малиновского, потеряла в боях 39 693 человека, в том числе 16 448 безвозвратно. Тогда с 25 августа по 30 сентября соотношение потерь с армией Малиновского оказывается 6,6:1, а по безвозвратным – 11,9:1. Впрочем, надо учитывать, что на стороне немцев в боях участвовал итальянский экспедиционный корпус, который потерял там 291 человека, включая 87 убитых, 190 раненых и 14 пропавших без вести¹⁰.

Интересно, что провал блицкрига Малиновский относит не к периоду советского контрнаступления под Москвой в декабре, а ко времени стабилизации линии фронта в конце октября, что совпало с началом осенней распутицы:

«Фронт войны, по всем признакам, стабилизировался, что говорило о многом и стратегически важном: план немецких фашистов, ориентированный на быстрое наступление и скорую победу, провален окончательно. Это стало нашей большой победой: мы устояли против смертоносной лавины фашистов, сумели развернуть плечи, и

8 *Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army / Army Group, 1941* [BA/MA RW 6/556, 6/558] // *Human Losses in World War II* (https://web.archive.org/web/20121025022023/http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec41.html).

9 МАКЕНЗЕН Э. ФОН. *Указ. соч.* С. 261.

10 *Le operazioni delle unità italiane al fronte russo, 1941–1943*. Roma: Ufficio storico SME, 2000. P. 102.

уж теперь враг получит от нас не одну оплеуху по своей звериной морде, мы так будем бить, что у него в глазах помутится» (с. 179).

Но поначалу бить не очень получалось. В декабре 1942 года Малиновский, будучи командующим группой из 6-й и 12-й армий, предпринял наступление в Донбассе, пытаясь разгромить оперативную группу генерала от инфантерии Виктора фон Шведлера, состоявшую из четырех пехотных дивизий. Маршал оценивает это наступление как безуспешное, поскольку разгромить противника не удалось, хотя и были освобождены 32 населенных пункта. Малиновский пишет:

«Мне до сих пор кажется, что можно было добиться больших успехов в борьбе с группой Шведлера и выполнить поставленную задачу, если бы все командные звенья, главным образом командиры дивизий, групп и командование армии [имеется в виду штаб 6-й армии, которому была подчинена 12-я армия. – Б. С.], действовали более энергично, смело и напористо, но, к сожалению, этого не случилось. Возможно, потому, что у них не хватало умения хорошо организовать бой и взаимодействие родов войск – они еще не были умудрены опытом войны» (с. 211–212).

Малиновский достаточно самокритичен, возлагая не только на подчиненных, но и на себя ответственность за неуспех наступления. Но стоит отметить, что к тому времени война шла уже полтора года и советские командиры должны были приобрести определенный опыт.

Анализируя собственную директиву на проведение Барвенковско-Лозовской операции от 11 января 1942 года, Малиновский самокритично признает:

«В целом эта директива нацеливает войска фронта на абсолютно правильное решение задач, представленных перед фронтом, но во всем чувствуется отсутствие у командования фронтом и штаба фронта опыта проведения подобных операций. Мало было сделано той скрупулезной кропотливой организационной работы, которая требуется для обеспечения успеха такой большой по замыслу наступательной операции. Очевидна излишняя осторожность командования фронта и Главнокомандования Юго-Западным направлением, особенно на Ростовском направлении. Это объяснимо: противник уже врывался на несколько дней в Ростов-на-Дону, поэтому, конечно, обжегшись на молоке, дули на воду – вот причина нагромождения резервов за 56-й армией, как фронтовых, так и направления. Для решения насущных задач этой наступательной операции следовало действовать смелее, привлекая больше сил. [...] Все это, конечно же, совсем не похоже на то, что и как мы делали во второй половине войны. Но, увы, обретения опыта избежать нельзя, от этого никуда не деться. Мы учились, и долго учились, сделали много ошибок и даже глупостей, и некому

было нас поправить. Вот и учились... пока не выучились» (с. 246–247, 248).

БОРИС СОКОЛОВ

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

Накануне Великой Отечественной войны в Красной армии очень влиятельной была так называемая «конармейская группировка», представленная военачальниками – выходцами из кавалерии. К ней, в частности, относились нарком обороны маршал Семен Тимошенко, первый заместитель наркома обороны Семен Буденный и начальник Генерального штаба генерал армии Георгий Жуков. Малиновский служил в пехоте и к «конармейской группировке» не принадлежал, хотя во время войны пользовался определенным покровительством со стороны маршала Тимошенко. К роли кавалерии в Великой Отечественной войне Малиновский относился весьма критически:

«[В составе Южного фронта и Юго-Западного направления] имелось много старомодной конницы – она доставила немало хлопот командованию. В боевых действиях конница давала относительно слабый эффект, так как ее парализовали пулеметы, авиация и танки. Да и, откровенно говоря, к этому времени основательно подзабылся... тот неоспоримый факт, что “боевая история конницы – это история ее начальников”. А такой истории минувшая война нам не оставила» (с. 247).

Но, чтобы не обидеть Тимошенко, Буденного и других бывших кавалеристов, Малиновский тут же оговаривается:

«Многие выдающиеся военачальники покинули конницу, перешли в танковые войска, в авиацию или возглавили общевойсковые соединения. В конечном итоге конница нам дала ряд замечательных командующих фронтами и армиями, что характеризует ее как замечательный род войск, в котором воспитание и выучка командных кадров поставлены и правильно, и вполне современно» (с. 247).

К сожалению, в публикацию вошла только та часть «Записок» Малиновского, которая является связанным повествованием. Вторую часть книги занимают ранее опубликованные приказы верховного главнокомандующего, касающиеся деятельности фронтов, которыми командовал Малиновский. Вместо них лучше было бы поместить туда фрагментарные мемуарные заметки и личные документы Малиновского, хранящиеся в архиве его дочери. Например, неопубликованные ответы на анкету журнала «Огонек» 1946 года, где, в частности, на вопрос «Какой день войны вам наиболее памятен?» Малиновский ответил:

«Всего памятнее мой самый горький день войны – когда пришлось оставить Ростов. Там, под Ростовом, когда не удалось задержать гитлеровскую военную машину, я пережил глубочайшее горе. Ле-

том 1942-го мы отошли, оставив врагу многострадальный Ростов, уже побывавший в руках врага, уже испивший эту горькую чашу. Мы уходили из пылающего города, понунив голову, и сердца наши обливались кровью. И еще было горько осознавать, что потерял важнейший стратегический пункт – “ворота Кавказа”. С тех пор, где бы мне ни приходилось сражаться, меня ни на день не оставляла мысль о Ростове. С этой мыслью я дрался и под Сталинградом, когда 2-я гвардейская преградила путь танковой группе Манштейна, стремившейся разорвать сталинградское кольцо. И, наконец, пришел долгожданный час: в ночь на 14 февраля 1943 г. начался штурм Ростова. [...] В шесть утра город был освобожден. А через три часа мы вместе с Н.С. Хрущевым уже были на улицах Ростова и видели на глазах ростовчан слезы радости. Это был мой первый радостный день в ту войну».

Можно было бы полностью опубликовать отчет Малиновского о Барвенковско-Лозовской операции, рассказом о первых днях которой завершается публикуемая часть мемуаров. В этом отчете, составленном 22 апреля 1942 года, Малиновский так подвел итоги операции, продолжавшейся с 18 января по 31 марта:

«1. Замысел и его осуществление. Разрыв в замысле и осуществлении. Можно ли говорить, что операция была неудачна – не достигли выполнения поставленных задач. Нет, нельзя, – операция была удачна и завершилась полным прорывом фронта на участке в 80 км и развитием в глубину на 100 км. Части 57 А имели открытым путь на Днепропетровск – пр-к на этом направлении был охвачен паникой и смятением, и если дивизии 57 А и были остановлены, то только по соображениям и решениям высшего командования с тем, чтобы сосредоточить все усилия войск в южном направлении и потрясти всю основу боевого порядка войск пр-ка в Донбассе. Противнику в этой операции войска Южного фронта, тесно взаимодействуя с 6 А ЮЗФ, нанесли [...] огромные потери в живой силе и материальной части. [...]

2. Операция вынудила пр-ка бросить в бой на широком фронте глубокие резервы, сорвала план восстановления сил разбитой Клейстовской армии. Население Донбасса вторично убедилось в не сокрушимой мощи Красной армии, которая разгромила в Донбассе не менее пяти пехотных дивизий немцев и всякого рода бельгийских, хорватских и румынских частей, спешно, в пожарном порядке, брошенных на фронт прорыва, в оборону пр-ка вбит большой оперативный клин, повисший реальной угрозой над средним Днепром»¹¹.

Можно было опубликовать «Краткую военно-историческую справку по 2-й гвардейской армии на 20 декабря 1943 г.», составленную при участии Малиновского, где подробно рассказывается об отражении деблокирующего удара Манштейна под

11 Соколов Б.В. *Указ. соч.* С. 298–299.

Сталинградом и о боях за Ростов в январе–феврале 1943 года. В этих сражениях армией командовал Малиновский. Вывод о ее действиях в боях под Сталинградом и Ростовом был следующим:

БОРИС СОКОЛОВ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

«2 Гв. Армия выполнила свою историческую роль, разгромила остатки крупных и еще серьезных сил группы Манштейн, сокрушила их и перешла в наступление. Это первое наступление армии стоило много крови Советских людей. В ходе наступления пехота – основная сила Гвардии, имела много недостатков, обойти которые значило бы оскорбить славную память о богатырях-героях, погибших за победу нашей любимой родины. Но Армия решающую задачу выполнила»¹².

Скорее всего этот раздел был написан при большом участии Малиновского, так как критический анализ действий 2-й гвардейской армии очень походит на такой же анализ, которому маршал подверг действия своих войск в первый год войны.

В книге приводятся биографические справки всех упоминаемых советских и ряда немецких военачальников, приведены их фотографии, равно как и фотокопии цитируемых документов и аннотированный географический указатель. Определенную сложность составляет то, что одни документы процитированы в самом тексте, тогда как другие, на которые также ссылается Малиновский, даны только в виде фотокопий-иллюстраций. Лучше было бы их также поместить полностью в текст повествования.

Книга иллюстрирована аутентичными фотографиями времен Великой Отечественной войны, преимущественно 1941-го – начала 1942 года: по количеству и качеству фотографий издание приближается к альбому. К сожалению, некоторые подписи под фото содержат ошибки. Так, на странице 252 подпись под фото гласит: «Железнодорожная повозка санитарной службы, 1941 г.». Однако форма двух военнослужащих в погонах, находящихся у повозки, указывает, что перед нами два военных медика (военных чиновника) Русской императорской армии периода Первой мировой войны 1914–1917 годов (в Красной армии погон в 1941 году еще не было).

12 Там же. С. 371–372.